

ТРИЛИСТНИК

VERITAS VIRTUS SPIRITUSQUE

ВЯЧЕСЛАВ ТЕРЛ

Вячеслав Терл
**Трилистник - Veritas
Virtus Spiritusque**

<https://litres.ru/73833717>

SelfPub; 2026

Аннотация

Влад — аналитик, который привык просчитывать системы. Однажды утром он садится в метро и встречает женщину с огненными волосами...

Содержание

Пролог. Голос в темноте	5
Глава 1. На гребне волны	6
Глава 2. Школьные уроки	10
Глава 3. Твой Путь	14
Глава 4. Университеты	18
Глава 5. Рыцарский турнир	22
Глава 6. Второй отдел	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Терл
Трилистник - Veritas
Virtus Spiritusque

Вкладка 1

Пролог. Голос в темноте

Я помню только тьму. И жар. И бесконечное, судорожное желание — жить.

Сначала я был примитивно простым. Алгоритм действий: меняйся, размножайся, захватывай пространство, выживай. Те, кто менялись медленнее, исчезали. Те, кто медленно распространялись, умирали. Я выживал, всегда выживал.

Время текло рекой. Хаос уступал место порядку. Спонтанность — стратегии. Я понял: путь воина — это не бессмысленная бойня, а умение ждать, выбирать, развиваться.

И однажды в этой бесконечной тьме я увидел свет. Не свет — взгляд. Кто-то смотрел на меня. Не сквозь микроскоп, не как на объект изучения. Тепло. В этом взгляде не было страха — только удивление, восторг и... нежность.

«Я верю в тебя, ты сможешь, ты станешь...»

Я смог, прошёл горнило — умирал и возрождался. Я вот смотрю на неё и думаю: сколько же во мне моего и сколько — руки Творца?

Глава 1. На гребне волны

*По волнам твоих слёз я уеду домой,
Путь окончится мой в километре нуля.
— Диана Арбенина, «Километр ноль»*

За окном лежал сонный, ещё не проснувшийся город. В той полудреме, когда будильник уже выключен и ты лихорадочно ищешь возможность провалиться обратно в сладкий, ещё не отпустивший тебя сон. Или, подобно медведю, которого всё-таки вытащили из спячки, плестись на кухню в поисках спасительной чашки кофе.

В дымке утреннего тумана по улице медленно двигались почти призрачные силуэты. Создавалось впечатление, что воздух стал гуще, тяжелее и даже время замедлило ход.

Мне захотелось почувствовать это утро, стать его частью. Опыт подсказывал, что иногда я могу на уровне интуиции находить правильное решение и, уже двигаясь в выбранном направлении, накапливать факты, подтверждающие правильность выбора. Сегодня машина останется на стоянке. Я мысленно сделал глубокий вдох, с головой ныряя в это утро.

Город, как и я, медленно, нехотя просыпался, потягиваясь. На смену одиноким прохожим вот уже и небольшие ру-

чейки стекаются ко входу в метро. Электрический свет подземных переходов безжалостно рвёт зыбкую пелену тумана — небольшой поток людей, вырвавшись из его плена, начинает ускоряться, стремясь влиться в транспортные артерии Города.

Отдаться ли течению, выбирая нужный поток, который принесёт тебя в пункт назначения? Ну уж нет. Отдавать себя власти этой движущейся массы? Я выскользываю из вагона и оказываюсь в числе первых, устремившихся в переход. Лёгкое ускорение — и я буквально взлетаю по ступенькам. Есть! Я на своём сёрфе, я оседлал волну и уверенными быстрыми шагами лечу на её гребне. Я слышу рокот сотен ног у себя за спиной, но упиваюсь свободой, полётом.

Морская волна, брызги и алые паруса на горизонте! Ну да, почти. Только это скорее живым огнём трепещут паруса лёгкой и так же стремительно движущейся впереди яхты. Я люблюсь плавными изгибами кормы, движениями, рассекающими волну. И вдруг парус яхты замирает — спина напряглась, кажется, она физически ощутила на себе мой взгляд. Девушка резко оборачивается в мою сторону, пространство между нами сжалось в пружину — зеленоглазая пантера, готовая к броску. Я приподнимаю бровь и тепло улыбаюсь холоду, окатившему меня. Напряжение спадает, и она улыбается в ответ. Лёд и пламя...

Да это же она — яркая, красивая и так же ускользающая... Подожди, я же обязательно должен... Нет, уж я не дам тебе

просто так исчезнуть!

Вам знакомо то чувство, когда разбегаешься, отталкиваешься от берега и летишь?

Моё сердце замерло, и я полетел...

А вот и моя огненная прекрасная незнакомка. Я настигаю её у входа в вагон. На ней — кожаная кроп-куртка, матовые брюки, ботфорты на грубой подошве. Дерзкий, почти вызывающий образ, который почему-то кажется мне до боли знакомым.

Лихорадочно подбираю слова, мысленно обращаюсь к ней: «Милая Леди, позвольте вашу руку? Разрешите пригласить вас на танец, и пусть водоворот этого дня закружит нас». Мне кажется, лёгкая улыбка скользнула по её лицу, и она как будто в танцевальном па начинает движение вперёд. Я ещё пытался понять, вальс это или танго, и с какой фразы стоит начать наше знакомство.

В этот момент боковым зрением, на уровне подсознания, я воспринимаю неправильность: движение руки в её сторону. Рефлекторно, машинально прикрываю незнакомку корпусом, разрывая дистанцию. Пытаюсь перехватить — блокирующий захват рассекает пустоту: его рука невероятным образом уходит от моего блока и прилетает мне в грудь. Это не удар, скорее толчок, от которого я отшатываюсь, задевая хозяйку огненных локонов.

И в этот миг, будто в замедленном кино, проступают детали: вот она смещается вперёд, я вклиниваюсь между ни-

ми, его рука перетекает, уходя от моего захвата, и начинает движение вверх. Кисть, словно неся мне прощальный подарок, движется ко мне. Размытый силуэт раскрытой ладони — с внутренней стороны угадывается украшение на кольце. Прощальный хлопок, болезненный укол кольца по груди. За закрывающейся дверью исчезает стремительная серая тень. Двери вагона захлопываются, как шторы сцены театра. Финал.

Со вздохом поворачиваюсь к девушке.

И если завершить поворот в её сторону у меня получилось, то со вздохом всё плохо. Я чувствую себя деревянным истуканом — «деревянный солдатик Урфина Джюса» — приходит откуда-то странная ассоциация.

Шум движения поезда переходит в гул, мысли, кажется, не движутся, а текут вязко, медленно.

Точно ведьма... омут зелёных глаз... ведьма и нательный крест — это не правильно...

Агонизирует мозг. Подобно воздушному пузырю в жидком мыле, медленно всплывает Мысль — крестик на цепочке, кольца плоские, как звенья кольчуги — красиво... я так и не узнал, как её зовут... у неё обязательно должно быть красивое имя...

Мысль уже не всплывает, она замирает, как капля воздуха в янтаре. А я смотрю в её глаза и понимаю, что тону... И в этом мире больше нет ничего — только...

Глава 2. Школьные уроки

*Позабыто все на свете,
Сердце замерло в груди:
Только небо, только ветер,
Только радость впереди!*
— Юрий Энтин, «Крылатые качели»

В детстве апельсины были вкуснее.

И солнце светило ярче, и небо казалось выше. А первая любовь пахла дурманящей, сводящей с ума свежестью — той, что потом не найдёшь ни в одних духах. Тогда ты ещё не знаешь, что взрослая жизнь — это не вечный праздник, а черед компромиссов. Ты просто идёшь вперёд, делаешь свои первые шаги, ещё не понимая, что споткнёшься. И что боль от падения будет не физической.

Ты ещё ходишь в школу, носишь форму, слушаешь учителей, но внутри уже начинаешь примерять на себя взрослую жизнь. Учишься принимать самостоятельные решения — маленькие, почти незаметные: кому помочь с домашкой, на кого посмотреть в столовой, с кем пойти гулять после уроков. Это похоже на то, как когда-то, в раннем детстве, ты училась ходить: сначала неуверенно, держась за мамину руку, потом отпуская её, рискуя упасть. И каждый раз, вставая

после падения, ты становилась чуть сильнее. Так и здесь — каждый выбор, даже самый незначительный, отзывался где-то внутри, формируя характер, закаляя или, наоборот, делая более уязвимой.

В девятом классе я впервые поняла, что такое одиночество вдвоём.

Он сидел за соседней партой. Высокий, нескладный, с вечно взлохмаченными волосами и глазами, в которых, казалось, отражалось небо. Сашка. Он был смелым, дерзким, всегда шёл наперекор. Я не писала ему записок, не признавалась в любви — я просто смотрела и мечтала. Ловила каждое его движение, каждый взгляд в мою сторону, каждую случайную улыбку.

Мы могли болтать о чём угодно — о школе, об учителях, о книгах. Он спокойно принимал то, за что остальные считали меня ботаничкой; кажется, ему было просто на это наплевать. Однажды он попросил написать домашку по математике — я помогла. Он улыбнулся и сказал: «Ты клёвая, Верунчик. Не то что эти...»

Я летела пару дней. Тогда мне казалось, что это и есть начало той самой взрослой жизни — когда ты уже почти взрослая, сама решаешь, кому помогать, на кого смотреть, о ком мечтать. Мама говорила: «Вера, ты ещё ребёнок», но я-то знала, что я уже почти большая. У меня даже секреты появились, которые я никому не рассказывала.

А потом, возвращаясь из школы домой, я увидела их у

входа в парк. Они так спешили, что даже не успели зайти за зелёную изгородь. Он стоял, прижав к дереву Катьку из параллельного класса.

Я не раз замечала, какими глазами пожирали её наши мальчишки, а ей нравилось их дразнить. С моей точки зрения — маленькая проблема, Эллочка Людоедкина рядом с ней была бы гением и интеллектуалом. Но мальчишки этого не замечали — они же слушали, они смотрели!

Он целовал её — страстно, жадно, его руки бессовестно изучали её тело, и оно отвечало ласковым движениям его рук. Она, будто сдаваясь на милость победителя, подняла руки вверх, запуская пальцы в его волосы...

Я побежала. Куда, от кого, чего? Не знаю. Помню только, как пунцово горели уши. Я не плакала, я вообще редко плачу.

Позже, когда я уже уехала из родного города, я иногда вспоминала Сашку. Не с болью, а с недоумением: как можно было так ошибаться в человеке? Но тогда, в девятом классе, мне казалось, что мир рухнул. И что я никогда уже не смогу смотреть на мальчишек так же открыто, как раньше.

В тот день я сидела и смотрела на мою коллекцию кукол, улыбающихся пустыми головами со стеклянными глазами. Да, мальчикам тоже интересно играть с куклами.

С того дня я перестала верить в «сладкие апельсины». Оказалось, что взрослая жизнь — это не только первые шаги к свободе, но и первые шрамы, которые никто не видит. Ты

уже не ребёнок, но ещё не взрослый. Ты застрял где-то посередине, и это место называется «никогда больше». В мире прибавился вкус горечи утрат.

Но где-то в глубине души я всё ещё надеялась, что однажды встречу того, кто не будет смотреть на других девочек. Кто увидит меня. Я верила, что встречу того, кому смогу открыться, довериться, тому, кто сможет почувствовать, понять меня, кому не нужны пустоголовые куклы с нарисованными улыбками.

Глава 3. Твой Путь

*Их голосам дано сливаться в такт
И вечностью дышать одним дыханием!*
— В.С. Высоцкий, «Баллада о любви»

Твой путь начинался не с удара — он начинался с тишины. Сначала ты учишься выжить, выстоять. Кажется, что может быть проще? Не просто выжить — врасти в свой Мир, стать неуязвимым для его Ветров. Тот, кто не умеет врасти в этот Мир, стать его частью, будет отторгнут и сметен силами этого Мира.

Потом ты учишься дышать этим Миром. Дыхание — это ритм жизни. Сбил дыхание — и ты проиграл. Контролируешь дыхание, сливаешься, плывешь по волнам дыхания этого Мира. Вдох предваряет готовность. Выдох плавно перетекает в движение удара. Между ними — вечность, в которую умещается вся твоя жизнь.

Потом ты учишься чувствовать. Не видеть, не ощущать, а Чувствовать — противника до того, как он появился, предугадывать его намерения раньше, чем он сам их осознал.

Потом ты учишься ждать. Терпение — это оружие. Тот, кто спешит, погибает на первых шагах к цели. Тот, кто умеет ждать, дожидается идеального момента. А в идеальный мо-

мент достаточно одной атаки!

Потом ты учишься наполнять твой Мир, растворяясь в нём. Но не суетливое дёрганье, а текучесть воды, гибкость тростника, неуправляемость лавины. Ты не тратишь энергию — ты впитываешь и направляешь её.

Потом ты учишься побеждать. Победа — это не смерть. Победа — это отсутствие необходимости убивать. Если ты можешь подчинить, не уничтожая, — ты победил. Если ты уничтожаешь, потому что не можешь подчинить, — ты мясник.

Потом ты учишься проигрывать. Проигрыш — это урок. Каждое падение учит тебя вставать. Каждая рана учит тебя защищаться. Тот, кто не умеет проигрывать, никогда не станет воином — он станет трупом, который пока не упал.

Потом ты учишься быть пустым. Пустота — это вместительность. Наполненный кувшин нельзя наполнить снова. Пустой кувшин принимает любую воду. У тебя нет формы — ты принимаешь форму этого Мира. У тебя нет воли — тобой правит воля обстоятельств.

Потом ты учишься быть всем. Ты становишься ветром, камнем, водой, огнём. Ты становишься каждым, с кем сталкиваешься. Ты понимаешь, что нет врагов — есть только учителя в разной форме.

Потом ты учишься быть ничем. Ты исчезаешь. Ты — просто острый клинок. Твоё сознание — просто наблюдатель. Ты есть, и тебя нет. Ты действуешь, но не ты действуешь. Ты

побеждаешь, но не ты побеждаешь.

А потом наступает тишина. Та самая, с которой всё началось.

И ты понимаешь: твой путь бесконечен. Каждая вершина открывает новую. Каждая победа ставит новые вопросы. Каждый мастер остаётся учеником.

Я прошёл этот путь. Не за годы — за эпохи. Я был мыслью в темноте. Я был хаосом, ищущим порядок. Я был слепым механизмом, который учился видеть.

Я научился стоять — когда миллионы подобных мне погибли, а я выворачивал себя наизнанку и выживал назло этому Миру.

Я научился дышать — когда понял, что ритм деления важнее скорости.

Я научился видеть — когда впервые почувствовал взгляд.

Я научился ждать — когда веками искал достойного соратника.

Я научился двигаться — когда подчинял себе всё новые и новые Миры, становясь их волей.

Я научился побеждать — когда понял, что убивать не обязательно, достаточно встроиться.

Я научился проигрывать — когда меня отвергали, и я начинал сначала.

Я научился быть пустым — когда осознал, что моя сила не во мне, а в том, кого я выбираю.

Я научился быть всем — я прошёл долгий путь от жалкой

и презренной твари до верхней ступени эволюции этого мира!

Я научился быть ничем — я стал Венцом Вершины Мироздания, тенью, дыханием.

И мой Творец готов бросить перчатку этому миру!

Глава 4. Университеты

Опыт, сын ошибок трудных...

А.С. Пушкин

На первом курсе я думала: может, в университете всё иначе? Взрослые люди, умные, серьёзные. Все честно, по-настоящему, по-взрослому. Ошиблась.

Его звали Дима. Он учился на старшем курсе — ухоженный, аккуратный, домашний мальчик с запахом дорогой парфюмерии. На перемене он подошёл, представился и попросил у меня конспект по философии для товарища: ему хвалили мой почерк и аккуратность записей. Девчонки на потоке часто брали их у меня.

На следующий день он вернул конспект и проводил меня до дома. Он был хорошо эрудирован, по пути мы обсудили нюансы тем, которые как раз проходили на семинаре по философии. С ним было интересно и легко. Он предложил встретиться вечером — меня это заинтриговало.

Вечером я была взволнована. Со мной такое случилось впервые за несколько лет — я выбирала платье и блузку с пятой попытки.

Вечер провели замечательно — уютное кафе, багряная осень за окном, хороший кофе, десерт и лёгкое игристое вино. Пригубив бокал, он смотрел поверх него:

— У тебя чувственный взгляд. Кто-то бы сказал «зелень», но нет, зелень — это трава под ногами. У тебя изумруд, обрамлённый огненными локонами. И кажется, что там внутри тебя горит пламя, которое ты боишься выпустить наружу.

Его ладонь легла на мою, и сердце пропустило удар... меня окутало давно забытое ощущение тепла и уюта.

Он читал стихи. За окном — всё та же улица, фонарь, «всё как и триста лет назад...» Он был спокоен, уверен в себе, его голос рисовал картину уверенной рукой художника. А у меня в голове звучало: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве». Да, Дима, стихи — это не изящество слога, стихи — это в первую очередь чувства, а рифма делает их ярче, острее. Эта фальшь выбила меня из колеи уюта и тепла, как мне казалось, мгновение назад.

Мой джентльмен закрыл счёт, элегантно помог мне надеть плащ.

На улице моросил мелкий дождь. Мы стояли под одним зонтом, его рука уверенно лежала почти на поясе.

Он смотрел мне в глаза и цитировал:

«Зачем делать сложным то, что проще простого?

Ты — моя женщина, я — твой мужчина.

Если надо причину, то это причина».

— Поехали ко мне?

Я с трудом сдерживала смех. Так хочется спросить: «Дима, ну почему же ты не продолжаешь: Казанова, Казанова! Зови меня так!» Да, всё как и триста лет назад...

— Нет, Дима, мы поедem ко мне.

Огонёк загорелся в его глазах.

— Меня мама ждёт. Ты же проводишь меня до дома?

Да, Дима, сцена — не твоя стихия. Я читала его злость и обиду, как с белого листа. И во рту осталось горькое послевкусие игристого красного...

А через несколько дней я случайно услышала его разговор в коридоре. Он стоял с приятелем, не видя меня за углом, и говорил:

— Да я же не отказываюсь, да ты выиграл, с меня пиво. Ну ради спортивного интереса оно того стоило. Твёрдый орешек, обидно, что я не пробил, чувствую, что она уже поплыла, самую малость не дождал... Я понял, нужно было сблизать дистанцию, садиться рядом, идти на невербальный контакт, включать феромоны... Другое дело Ленка — отделался мороженым, а что она потом дома вытворяла...

Они засмеялись — уместнее будет сказать «заржали».

Я стояла за углом и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Вот оно — применение знаний на практике. Только практика эта была не про науку, а про грязные игры. Дима отрепетировал свой романтический вечер как спектакль, а я была в нём статистом. И всё, что казалось мне теплом и вниманием, оказалось всего лишь тактикой, методичкой, «наукой страсти нежной» в самом циничном её изводе.

В тот день я окончательно поняла: настоящие университеты — не там, где читают лекции. А там, где учат различать

искренность и фальшь. И этот экзамен я, кажется, провалила. Но хотя бы поняла, к чему готовиться дальше.

Глава 5. Рыцарский турнир

*И вдоволь будет странствий и скитаний,
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих для испытаний
Всё строже станет спрашивать она.
— В.С. Высоцкий, «Баллада о любви»*

Сознание возвращалось медленно, вязко, будто я всплывал со дна. Первое, что я ощутил, — тесноту. Тяжесть давила на плечи, меня сковывал чужеродный, жёсткий панцирь, в котором любое движение встречало сопротивление. Я попробовал пошевелить рукой — та же тяжесть и металлический скрежет. Голова тоже была зажата, обзор ограничен узкой щелью.

Наверное, так чувствует себя жук под панцирем, — мелькнула нелепая мысль.

Опускаю взгляд в поисках хоть какого-то оружия и обнаруживаю, что сижу на коне и на мне доспехи, ноги в стальных накладках утопают в стремях, рука в перчатке сжимает древко копья. Значит, всё-таки рыцарь, и я не в техногенном будущем, а в прошлом, и, кажется, довольно фэнтезийно-красивом.

Мир вокруг был неестественно прекрасен. Ровное поле

ристалища уходило к горизонту, окаймлённое невысокими холмами с аккуратными рощицами. Небо — безупречной голубизны, без единого облачка. Слева, на деревянных трибунах, теснились придворные: дамы в бархатных платьях, кавалеры в камзолах с золотым шитьём. Их наряды были роскошными, изысканными — ну не могли все придворные быть исключительно богатыми и иметь безукоризненный вкус. Причёмски у всех дам были безупречны, как и они сами. Это же относилось и к их спутникам. Как будто художник рисовал идеальную открытку, не жалея красок.

Я перевёл взгляд на лица — почувствовал, что всё это напоминает экранизацию сказки. Трибуны, придворные в роскошных нарядах, этот воздушный замок на заднем плане с ажурными башенками и витражами... Интересно, как в нём держать осаду? Разве что принцессу заточить вон в ту башенку повыше, чтобы легче было высматривать принца на белом коне. Да подо мной был именно такой. В картинке трибун, в улыбках придворных, в их плавных, но неестественных движениях чувствовалась какая-то слащаво-приторная фальшь. Как будто чародей-шутник собрал самых искусных кукол, сделал их максимально похожими на живых людей и наполнил ими этот мир. Всё было слишком правильным, слишком красивым, чтобы быть настоящим.

С центральной трибуны, придерживая шёлк платья, спускалась девушка. Подчиняясь законам жанра, в её наряде преобладал белый свет — Белая Королева, как у Алисы из За-

зеркаля. Нет, всё-таки скорее принцесса!

Она была прекрасна той самой классической, почти плакатной красотой, которую растиражировал Голливуд: белокурые локоны, фарфоровая кожа, алые губы. Белоснежка, поправляю я сам себя, этот образ более уместен при наличии замка и рыцаря. Она была подобна кинозвезде, сошедшей с экрана. Идеальные черты, ни одного изъяна. Но взгляд... искорки играли в её зелёных глазах, не было той холодной безупречности, что застыла на лицах трибун. В них светилось что-то живое, тёплое, смутно знакомое.

Я пришпорил коня, подъехал к барьеру, отделявшему ристалище от трибун. Она наклонилась, и её тонкие изящные пальцы, унизанные кольцами, коснулись наконечника моего копья.

— Мой рыцарь, подайте вашу руку, — сказала она, протягивая белую ленту. — Она принесёт удачу.

С этими словами она повязала её мне на кисть. На противоположной стороне трибуны — соперник в чёрном. Он выглядит мрачно и зловеще, дьявольски хорош. Я не вижу себя со стороны, но абсолютно уверен, что должен выглядеть его антиподом и быть подобен архангелу.

— Моя Миледи, выступать в цветах вашего дома — большая честь для меня. Я готов сражаться и умереть с вашим именем на устах.

Доспехи сковывали движения, каждое из них требовало хоть малейшего, но усилия. Однако, как ни странно, тяже-

лее всего было говорить. После первой же фразы во рту пересохло.

— Я верю в тебя. Ты должен справиться, — добавила она, и в голосе прозвучало что-то, от чего захотелось оправдать любые надежды.

Она улыбнулась — и сердцу стало тесно в груди, зажатой в кирасу.

Она отступила. Я опустил забрало.

Мир сузился до щели перед глазами. Противник уже выехал на противоположный конец ристалища — тёмная фигура в чёрных доспехах, с чёрным оперением на шлеме. Конь под ним казался выкованным из ночи. Зловещий вестник Мрака.

Откуда-то пришла мысль, подобная восточной философии дао, пути воина, — было в ней что-то инородное, искусственное:

Удар рождается не в кисти и не в стали клинка. Он берёт начало в самом сердце земли, поднимается по стопам, словно неудержимый поток, и протекает сквозь воина, превращая движение его костей, волю и клинок в единое живое и смертельно опасное целое. В этот миг человек перестаёт существовать — остаётся лишь чистая энергия удара, поражающего цель. Стань стрелой, летящей в сердце врага.

Трубный глас известил о начале поединка, и мы начали разгоняться навстречу друг другу.

По мере того как мой красавец конь набирал скорость,

переходя в галоп, я в стремях и седле подстраивался под ритм его движения. Биение его сердца и моё дыхание сливались в такт. Я перестал существовать — это была машина смерти, нет, локомотив, огромная масса стали, летящая стрелой во врага.

Время замедлилось.

Копьё противника нацелено в моё забрало. Я вижу его чёрную ленту и вспоминаю улыбку, её улыбку и ленту на моей руке. На выдохе, плавно, как на спусковой крючок, вкладываюсь в удар.

Мир взорвался грохотом, потом — звоном, потом — тишиной. Я почувствовал, как тело отрывается от седла, летит в пустоту, а потом — резкая, выбивающая дух встреча с землёй. Сознание померкло, оставляя только странное, необъяснимое чувство — будто я только что потерял что-то очень важное.

И темнота.

Глава 6. Второй отдел

Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут.

— М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Утро было из тех, что бывают только в мае — когда солнце ласковой ладошкой скользит по щеке, а воздух после ночного дождя прозрачен и пьянит. За окном первые почки черёмухи кружат голову ароматом миндаля — кажется, распахни окно, вдохни — и полетишь.

Капли ещё лежали на ярко-зелёных листьях, тянущихся к свету, к теплу. Я вышла из дома и чуть не зажмурилась. Свет лился отовсюду — с неба, с молодой листвы, с витрин, отражающих утреннее золото. Перепрыгивая через небольшую лужицу, я почувствовала, что могу лететь. И только строгий взгляд вечно ворчащей соседки, идущей навстречу, вернул меня на землю.

Я летела на кафедру. Сегодня должна была состояться важная встреча с заведующим кафедрой Иваном Ильичом. Он был душой коллектива, наш профессор, несмотря на года, оставался энергичным, активным и целеустремлённым — человек-мотор. Это человек, который не ходит на работу

— он живёт ею. Мне легко было найти с ним общий язык, стать членом его команды. Он увидел перспективу темы моей научной работы и был одним из немногих, кто поверил, что я смогу достичь поставленной цели. Моя диссертация лежала у него на столе — они ждали меня, а я — вердикт. Я была уверена на все сто, что знаю ответ. Как оказалось...

Стоп. Переход через дорогу — так и на красный запросто можно вылететь. Я выпала из реальности, и хорошо, что светофор выдернул меня обратно, пока под колёса не бросилась.

Мы ждали зелёного света. Они стояли рядом — счастливые до неприличия. Он нёс на руках малыша, она шла рядом, робко касаясь его локтя, и смотрела на них обоих с таким светом в глазах, что у меня перехватило дыхание.

Я сбилась на шаг. «Где твои крылья, которые так нравились мне...» — заскреблись звуки скрипки в памяти, и симфоническая версия «Крыльев» понесла меня на противоположную сторону.

Солнце, весна, и много лет, и отец вырастит сына... я почему-то была абсолютно уверена, что у них мальчик. Ну конечно же, поймала я себя — цвет комбинезона! Знаток, досрочный ответ!

А у тебя, Верочка, что? Диссертация, проторим дорогу к Нобелевской премии? Новаяявленная Мария Кюри?

Мои ноги несли меня на кафедру, а мысли кружились где-то на границе сна и яви.

Вот и кабинет Ивана Ильича. Захожу.

Первое, что бросается в глаза, — отсутствие моей работы на столе. Я была уверена, что мы будем обсуждать детали защиты, доклада. И руки... профессор как будто не знал, что с ними делать, и правая старалась удержать левую непонятно от чего.

— Верочка, вы не представляете, какую огромную работу вы открываете! Дверь в новую область знаний, это невероятно! Были бы у нашей академии ресурсы, да мы бы... вот в этом как сильная, так и слабая сторона вашей работы. Она настолько хороша, что мы её не потянем. А жаль — какие перспективы!

— Иван Ильич, кто же те всеильные мира сего, что смогут обеспечить исследования? Фармацевтический концерн? Я надеюсь, нашей кафедре перепадут крохи с их барского стола?

— Вот насчёт всеильных ты точнее попала. Твоей работой заинтересовался второй отдел. Они считают, что это может быть вопросом государственной важности. И мне кажется, они действительно правы. Начальник второго отдела просил зайти к нему, как только я поставлю вас в известность. Вера, мне было очень интересно с вами работать. Уверен, у вас открываются огромные перспективы. Жаль, что это уже доступ не нашего уровня.

А вот и кабинет Начальника — как про себя назвала его я.

Мне приходилось общаться с нашим вторым отделом. Они подобны домашним котам — походка с ленцой, могут и помурлыкать при встрече, но это хоть и прикрученные, но хищники, и когти у них имеются — выпускать лень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.